

УДК 37.011.3-051:371“18/19”(476)

В. М. Острога

Белорусский государственный технологический университет

**МАТЕРИАЛЬНОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ ТРУДА СЕЛЬСКИХ
УЧИТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.***

В статье рассматривается материальное положение сельского учительства Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Подчеркивается, что остаточный принцип в финансировании школы отражался в мизерных средствах, выделяемых царским правительством на нужды народного просвещения. Качество образования населения зависело не только от уровня теоретической и методической подготовки учителя, но и от его социального статуса, в первую очередь достойного правового и материального положения в обществе. В течение рассматриваемого периода проблема материального обеспечения школ и стимулирования учительского труда оставалась нерешенной. Выделяемые средства обеспечивали самые минимальные требования «учащих» и являлись определяющим принципом при укомплектовании начальных школ педагогическими кадрами – учителями, как правило, выходцами из разночинской среды или низших сословий. На основе конкретно-исторического материала, в том числе архивных материалов, отражается динамика изменения заработной платы в зависимости от средств казны, крестьянских обществ, доходов земских учреждений и др. Автор приходит к выводу, что в дореволюционной России отсутствовала единая система финансирования труда учителя, уровень заработной платы оставался не только низким, но и нестабильным. Кроме основного дохода за преподавание в сельской школе существовали и иные пути повышения материального благосостояния, но они были ограниченными, зависели от местных условий и использовались только незначительной частью сельского учительства.

Ключевые слова: сельский учитель, народное образование, материальное положение, финансирование, уровень заработной платы, начальная школа, «ссыпка», учительский доход.

Для цитирования: Острога В. М. Материальное стимулирование труда сельских учителей Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2025. № 1 (293) С. 31–37.

DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-5.

V. M. Ostroga

Belarusian State Technological University

**MATERIAL INCENTIVES FOR THE WORK OF RURAL TEACHERS IN BELARUS
IN THE SECOND HALF OF THE 19 – BEGINNING OF THE 20 CENTURY**

The article examines the material situation of rural teachers in Belarus in the second half of the XIX – beginning of the XX century. It is emphasized that the residual principle in school financing was reflected in the meager funds allocated by the tsarist government for the needs of public education. The quality of education of the population depended not only on the level of theoretical and methodological training of the teacher, but also on his social status, first of all, a decent legal and material position in society. During the period under review, the problem of material support for schools and incentives for teachers' work remained unresolved. The allocated funds provided for the most minimal requirements of the “teachers” and were the determining principle in staffing primary schools with teaching staff – teachers, as a rule, from the *raznochintsy* environment or the lower classes. Based on specific historical material, including archival materials, the dynamics of changes in wages are reflected depending on the funds of the treasury, peasant societies, income of *zemstvo* institutions, etc. The author comes to the conclusion that in pre-revolutionary Russia there was no unified system of financing the work of teachers, the level of wages remained not only low, but also unstable. In addition to the basic income for teaching in a rural school, there were other ways to improve material well-being, but they were limited, depended on local conditions and were used only by a small part of the rural teaching staff.

Keywords: rural teacher, public education, material situation, financing, salary level, primary school, “*ssypka*”, teacher's income.

For citation: Ostroga V. M. Material incentives for the work of rural teachers in Belarus in the second half of the 19 – beginning of the 20 century. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 31–37 (In Russian).

DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-5.

* Статья подготовлена в рамках проекта БФНИ “Фарміраванне эліт ва ўмовах трансфармацыйных працэсаў беларускага грамадства XIX – пачатку XX ст.” (договор с БФНИ ном. Г23ИП-002 от 02.05.2023).

Введение. Главным ведомством царского правительства, которое должно было заботиться об образовании народа, являлось созданное в 1802 г. Министерство народного образования. Но до 1860-х гг. оно оставалось в этом деле практически пассивным наблюдателем. Чиновники были убеждены, что увеличение количества образованных людей из простого народа может принести больше вреда, чем пользы. Поэтому, как справедливо отмечал известный педагог Каптерев П. Ф., царизм заботился не столько о распространении просвещения, сколько о защите его «разумными ограничениями». Разрешая открывать народные начальные школы, правительство не допускало и мысли о ее полном содержании на средства казны. Финансирование образования считалось делом самого народа. В 1866 г. из общей суммы государственного бюджета на просвещение отводилось только 1,6%, причем на начальные народные училища и церковные школы – 0,3%. В 1895 г., по сравнению с 1860-ми гг., бюджет государства вырос в 3 раза, но размер выделяемых средств остался практически на прежнем месте – 2,3%, доля начального образования составила 0,7%. В Беларуси сфера народного просвещения финансировалась еще хуже, чем в центральных регионах. Если в 1887 г. средства на нее в расчете на одного человека по земским губерниям России составляли 36,1 коп., то в Витебской – 25,5, Гродненской – 19,3, Минской – 18,7, Могилевской – 10,8 коп. [1, с. 12]. В 1908 г. редакция газеты «Наша нива» сравнивала выделяемые средства на все сферы развития общества за последние 25 лет. Оказалось, что бюджет военного министерства увеличился на 225 млн руб., финансов – на 331, дорог – на 530 и т. д., а просвещения – только на 34 и составил 53 млн руб. Поэтому «не удивительно, что народ наш и темный, и бедный: мы бедные, потому что мы темные, а темные мы, потому что бедные» [2, с. 3].

Основная часть. Соответствующим было и материальное положение сельского учителя, который считался гражданским служащим по Министерству народного просвещения. Категория сельских народных «учащих» среди всей учительской интеллигенции отличалась своей особенной бедностью и необеспеченностью. Главным критерием материального благосостояния был уровень заработной платы, единая система которой в дореволюционной России отсутствовала. До 1861 г. учительский гонорар определялся по взаимной договоренности между учителем и родителями учеников. В одних случаях соглашались на денежной плате, которая колебалась от 1 до 5 руб. с ученика, в других – давали сельскохозяйственные продукты и одежду. Но чаще всего она была смешанной, в состав кото-

рой не входили обязательные «учительские дары» при поступлении каждого нового ученика в школу (предметы ручного производства – нитки, кусок полотна, полотенце, пояс или продукты: яблоки, орехи, яйца, пироги, сало, мед и др.) [3, с. 44]. Обучение проходило в так называемых подвижных школах, существовавших и во второй половине XIX в., учителя которых пользовались квартирой и столом хозяев.

Как свидетельствуют документы, в пореформенный период размер заработной платы сельского учителя не только в губернии, но и в уезде и даже волости был разным и в течение всей второй половины XIX в. колебался обычно от 120 до 250 руб. В министерских школах, которые создавались с 1863 г., изначально определялась гарантированная и одинаковая для всех преподавателей заработная плата – 150 руб., размер которой к концу столетия вырос до 250–300 руб. Так, на 1 января 1890 г. заработок учителей начальных училищ Витебской губернии составлял: в 156 (80%) училищах от 150 до 200 руб., в 34 (17,5%) не превышала 250 руб. и только в 5 (2,5%) была больше 250 руб. в год [4, с. 45]. Сам размер «содержания» учителя постоянно изменялся. Ежегодно, в первые дни января, крестьяне собирались на собрание, которое определяло размеры общественных расходов, в том числе и на училища. Общим решением назначался и размер заработка учителя. Причину его уменьшения объясняли бедностью или неурожаем. Если же сумма была настолько маленькая, что ее нельзя было снизить, то на летние месяцы могли лишиться освещения, прислуги и др. В рассматриваемый период государство обычно платило только третью часть заработной платы, а остальные деньги давало общество. Иной раз крестьяне сами без помощи государства содержали своих учителей. Неурожайные годы отрицательно сказывались и на материальном положении педагогов. Например, учительнице Казимирово-Слободского училища вместо 250 руб. было назначено только 150, снято 5 руб. на канцтовары и 20 – на освещение ее квартиры. А в Рековской волости той же Могилевской губернии крестьяне вообще отменили решение о выплате заработной платы учителю и всех иных расходов на школу, так что «жить и вести учебную работу в таких условиях стало невозможно» [5, л. 34, 32]. Нестабильность в оплате труда вызывала в среде учительства неуверенность в завтрашнем дне, подрывало желание работать и толкало на поиски лучшего места.

Учителя церковно-приходских школ имели еще меньшую заработную плату. Так, в Полоцкой епархии в 1895 г. средний учительский оклад составлял 120 руб. В 1900 г. он был увеличен до 200 руб., а в 1902 г. в некоторых школах нашли

возможность его поднять до 240 руб. «Качество учителей церковно-приходских школ находится в полной зависимости от средств, которые отпускаются на их содержание», – открыто заявлялось в отчете Епархиального училищного совета. Уровень заработной платы зависел и от количества тех средств, которые собирали на содержание этих школ крестьянские общества, казна, епархиальные училищные советы, братства и др., но он практически всегда был меньше по сравнению с учителями народных училищ [6, с. 18, 20].

В лучшем положении находились педагоги из центральных губерний России, которые после событий 1863 г. активно привлекались к работе в Беларуси. В соответствии с постановлением «Об особых преимуществах службы в Западных губерниях» «лицам русского происхождения» выдавалась повышенная на 50% заработная плата, участок земли от 20 до 50 десятин, бесплатный проезд к месту службы, а также помощь семейным и лицам, которые женились, отправляясь на место своего нового назначения – в размере полугодового оклада, а одиноким – 1/3 его часть. Закон «О приеме на гражданскую службу» предусматривал право для учителей, воспитанников учебных заведений всех ведомств, а также для лиц, которые приобрели право на преподавание по специальным экзаменам, при первоначальном назначении на учебную службу дополнительный оклад из государственной казны, который можно было получить в течение первых 10 лет своего учительского труда, и прогонные деньги на двух лошадей, независимо от расстояния до места службы [7, с. 919, 735].

Еще с 1865 г. попечительский совет округа просил М. Муравьева выделять учителям из крестьянской земли по 1 десятине земли для огородов. Но это предложение было отклонено и перенесено на рассмотрение самих крестьян. Вместо этого 15 апреля того же года М. Муравьев издал циркуляр, которым поручал губернаторам делать распоряжения, чтобы тем учителям, которые не получали денег от казны, и вне зависимости от платы от крестьянских обществ, выдавали из сельских запасных магазинов по 6 четвертей муки и крупы в год. Кроме этого требовалось, чтобы крестьяне выделяли учителям квартиры с отоплением и освещением. С этого времени в практику оплаты учительского труда начала вводиться так называемая натуральная «ссыпка» – зерном, картошкой, другими овощами, которая собиралась иногда самим учителем с каждого двора. Но ее давали не всегда охотно и аккуратно. Так, учитель Краменитского училища Волковыского уезда получал 100 руб. деньгами и натурой 6 четвертей ржи и 10 четвертей ярового зерна, что в переводе на деньги составляло около 57 руб. [8, л. 4]. «Ссыпка» была очень распространенным

явлением и в содержании учителей школ духовного ведомства. В Могилевской губернии, например, с учителями рассчитывались не только деньгами, но и хлебом с овощами, а в некоторых местах по очереди «содержанием столом в течение всего времени обучения». Вместе с тем плата от родителей учеников всегда была источником бедным и неустойчивым.

Такой расчет за труд был неудобным и неприятным для учителя. Часто «сельские старосты брали с крестьян зерно в двойном размере, а отдавали учителям с недочетами, наполовину с мякиной». Если пробовали спорить, то в следующем году можно было потерять и это. Поэтому «сельский учитель вынужден был, как нищий, получать то, что ему дают, а не то, что ему принадлежит» [9, с. 271]. «Ссыпка» зерном, картошкой или же ежедневное питание для учителей школ грамоты снижали их заработную плату до 30–50 коп. с ученика за сезон. Из «Дневника» сельской учительницы, которая работала в Беларуси, можно узнать, что на волостном собрании крестьяне очень просто могли отменить «ссыпку», ибо, как они объясняли, «годы худые, хлеб дорогой... самим есть нет чего, а тут и тому дай, и другому дай» [10, с. 22]. Лишившись даже такой, не всегда хорошей и качественной поддержки, учитель должен был влачить жалкое существование.

Следует отметить, что «ссыпка» оставалась одной из форм оплаты труда учителей Беларуси и в начале XX в. На повестку дня стал вопрос о замене ее деньгами. Так, в ряде школ Витебской губернии с 1906 г. вместо «ссыпки» хлеба начали выдавать денежную компенсацию в размере 50 руб. В 1908 г. на совещании инспекторов и директоров Виленского округа говорилось, что «ссыпка и всякие вообще натуральные повинности являются в настоящее время архаизмом» и «необходимо принять меры о постепенной замене натуральной повинности денежной, а относительно новых школ, не открывать таких с обеспечением от крестьян натурой» [11, с. 162].

В конце XIX в. материальное положение учителей ухудшилось. Дирекции признали необходимым увеличение зарплаты народным учителям до 300 руб. Но столько платили далеко не в каждом училище. Исключением были лишь министерские школы с учительским окладом 360 руб. в год. Так, один из педагогов Вилейского уезда сообщал, что ему приходится жить на 3 коп. в день, или 12 руб. в год, ибо крестьяне денег больше не дают, а из казны он получал всего 30 руб. доплаты, из которой 18 руб. вычитали в пенсионную кассу [12, с. 7]. Многие учителя в это время продолжали получать всего 150 руб. и «ссыпку». «Засыпать приходилось с голодным желудком», а «ссыпку» ждать 4 месяца. Учителя церковных

школ Рогачевского уезда в 1907 г. и вовсе 5 месяцев не получали зарплату. «То нас увольняли, перемещали, а теперь и голодом начинают морить», – писали возмущенные педагоги [13, с. 180].

Получение «жалования» из волостного правления, даже в условиях хороших отношений с руководством, было связано с большими неудобствами. Выплату денег могли задержать на 3–6 месяцев, в то время как министерским циркуляром 4 декабря 1878 г. устанавливалось требование обязательной ежемесячной выдачи зарплаты в установленный срок, но не позже первого дня следующего месяца. Если училище и правление были в разных селах, многие учителя должны были ездить за деньгами за 10–15 верст, причем не раз. Подвода также предоставлялась на платной основе. Если деньги привозили в школы, то казначеи, писари, старшины «за свой труд по доставке жалования» и за «заботы об учителе» удерживали их часть в свою пользу. Это вызывало большое неудовлетворение у учителей. Так, А. Сержант из Старинского училища Минской губернии просил дирекцию перевести его в другое училище, чтобы «получать жалование из казначейства, а не из волостного правления, где учителя терпят насмешку от его членов» [14, л. 13]. С введением земских управ последние ежемесячно высылали зарплату учителям почтой, вычитая в год за пересылку с земского учителя по 3 руб., а с учителя церковно-приходской школы по 1 руб. 80 коп. «Учащие» Оршанского уезда жаловались, что при небольшой зарплате такие вычеты были «достаточно чувствительными». Но были и позитивные примеры: Могилевская губернская управа издержки по пересылке денег брала на свой счет.

Периодическая печать того времени отмечала, что с увеличением зарплаты за физический труд стало более выгодно быть у помещика батраком, чем сельским народным учителем. Батраки жили «на хозяйском столе», освещении, отоплении, без всякого образования и моральной ответственности получали от 60 до 80 руб. в год. Учитель И. Кузьмин из Витебской губернии в этой связи вспоминал слова отца, который, узнав, что его сын будет получать только 14 руб. в месяц, советовал оставаться у него служить сторожем на железной дороге за 16 руб. [15, с. 52]. Учителя городских начальных школ имели сравнительно более высокую плату. Например, в Витебской губернии на 1 января 1891 г. за труд в приходском училище платили 250 руб. в год, через 10 лет (1901 г.) в двух Витебских – 400 руб., в остальных губернских и уездных – по 300 руб. Через 2 года минимальная зарплата составляла уже 360 руб. [16, с. 43]. В этот период учитель городского училища получал 300 руб. Положение педагогов средних школ было значительно

лучшим. Выходцы главным образом из дворянских или зажиточных буржуазных классов, имея высшее образование, могли рассчитывать на хорошее обеспечение – от 60 до 170 руб. в месяц.

На заседании Училищного совета Витебской дирекции констатировалось, что «жалование в размере 250 руб., которое установлено как норма, нельзя признать достаточным для лица, которое специально к этому готовилось и считало возможным долгое время оставаться на должности учителя» [17, л. 106]. Недостаточная материальная обеспеченность вынуждала многих учителей бросать службу и переходить в другие ведомства. Дополнительная денежная помощь со стороны дирекций и волостных управ в размере 20–50 руб. лишь незначительно улучшала положение учителя, да и то выдавалась она один раз и не каждому, как правило, после многократных обращений учителей в самых безвыходных случаях (болезнь, пожар, многодетность и настоящий голод).

3 мая 1908 г. был принят закон, который касался выделения новых денежных средств на нужды народного образования в размере 6 900 000 руб. Для существовавших и новых школ казна давала по 390 руб. на оплату труда преподавателям (по 360 – учителям, и по 30 тем, кто преподавал Закон Божий). Остальные расходы на школу должны были покрываться за счет местных земских и крестьянских средств [18, л. 24]. С 1908 г. из отпущенного государственного кредита стало возможным увеличить заработную плату всем учителям и учительницам до 360 руб. в Могилевской губернии. Во всех остальных – частично, из-за недостатка средств, но планировалось в скором времени так поставить дело, чтобы «во всем округе не было преподавателя, который бы получал менее 360 руб.». В отношении учителей церковно-приходских школ такое решение было принято только 12 июля 1913 г. [19, л. 3].

Несмотря на то, что для большинства педагогов основной доход состоял из заработной платы, при благоприятных условиях и желании материальное положение могло измениться в лучшую сторону. Такими путями являлись безукоризненная дополнительная работа в школе, преподавание Закона Божьего, а также в качестве факультативов ремесла, рукоделия, пения, и др. Стимулировались премией также создание церковного хора и руководство им, подготовка крестьянских детей к сдаче экзамена на льготное свидетельство по отбыванию воинской повинности, участие в учреждениях мелкого кредита, заведование библиотекой и продажа книг из складов и др. Определенный доход семье учителя приносили занятия сельским хозяйством на пришкольном участке.

Во многих европейских странах материальное положение сельских учителей при примерно одинаковой стоимости жизни было значительно лучшим. Так, в 1907 г. в Бельгии минимальный оклад 450 руб. и квартира, через каждые 4 года надбавка по 38 и более руб., в Пруссии – 586 руб., Норвегии – 366 руб. и надел земли, Великобритании – 1200 руб. В США городские учителя зарабатывали 1200, а сельские – 600 руб. в год [20, с. 463–470].

Министерство народного просвещения и епархиальные училищные советы стремились различными способами увеличить продолжительность службы. Еще в 1865 г. Витебская дирекция народных училищ высказала мысль о прибавке к зарплате учителям в размере 40 руб. после каждых 5 лет службы. Но долгое время из-за отсутствия денежных средств данное предложение не могло быть реализовано. Вопрос был рассмотрен только в 1885 г. Планировалось, что «за каждые 5 лет, прослуженные по одной учебной части свыше 25 лет, добавляется 1/5 часть полной пенсии» [21, л. 67]. Но только законом от 7 июля 1913 г. были установлены периодические прибавки к зарплате народным учителям за каждые отработанные 5 лет в размере 60 руб., которые с 1918 г. должны были распространяться на всех учителей начальных школ.

В 1900 г. была утверждена пенсионная касса народных учителей. В 1910 г. к обязательному участию в ней привлекались и «учащие» церковно-приходских школ. Вычеты с членов кассы проводились ежемесячно в размере 6% от месячной зарплаты. Учителя, которые приобрели право на пенсию, могли пользоваться ею не только после оставления службы, но и во время

педагогической деятельности при условии выслуги не менее 25 лет. Кто отработал от 20 до 25 лет при отставке получал половинный, а 25 и более лет – полный оклад. При выходе в отставку по состоянию здоровья получали: прослужившие от 10 до 15 лет – 1/3 оклада, от 15 до 20 – 2/3 оклада, 20 и более лет – полный оклад. Если у неспособного к труду учителя были дети, то размер пенсии увеличивался в зависимости от их количества (по 30 руб. в расчете на одного несовершеннолетнего ребенка). Предусматривались также пенсии и вдовам народных учителей, если они, утратив кормильца, больше не выходили замуж [22, л. 3].

Заключение. Таким образом, в большинстве случаев основным доходом для семьи учителя являлась его заработная плата. Найти дополнительные средства по объективным обстоятельствам сельскому учителю было значительно тяжелее, чем городскому. По причине ограниченной, не превышающей содержания простого рабочего и постоянно изменявшейся заработной платы, плохой обеспеченности старости и тяжелых условий жизни и труда, учителя в большом количестве оставляли свою службу и переходили в другие ведомства, что имело негативные последствия для учебно-воспитательного процесса. Государство, которое экономило средства на образовании, на финансировании народных школ и заработках учителей, не могло добиться того, чтобы педагоги дорожили своим местом. Поэтому положение народных учителей, в руках которых находилась судьба духовного и культурного развития народа, как в социальном, так и материальном отношении не соответствовала тем целям и задачам, которые они призваны были решать.

Список литературы

1. Снапкоўская С. В. Асвета на Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст.: стан і тэндэнцыі развіцця // Адукацыя і выхаванне. 1997. № 8. С. 11–24.
2. Расходы на народную прасвету // Наша ніва. 1908. 6 чэрвеня. С. 3.
3. Никифоровский Н. Я. Сельско-школьное обучение в юго-восточной окраине Витебской Белоруссии, каким застает его реформа 19 февраля 1861 г. Витебск: Губ. тип., 1893. 46 с.
4. Кукушкин И. П. Последнее десятилетие в истории Витебской Дирекции народных училищ (1891–1901). Витебск: Губ. тип., 1904. 59 с.
5. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 2254. Оп. 2. Д. 488.
6. Краткий историко-статистический отчет развития церковной школы Полоцкой епархии за 1884–1909 гг. / сост. Н. Серебренников. Витебск: Губ. тип., 1909. 26 с.
7. Настольная книга по народному образованию: в 3 т. / сост.: Г. Фальборк, В. Чарнолуцкий. СПб.: тип. Б. М. Вольфа, 1901. Т. II. С. 715–1538.
8. НИАБ в г. Гродно. Ф. 38. Оп. 1. Д. 53.
9. Положение деревни // Народное образование в Виленском учебном округе. 1907. № 5/6. С. 271–272.
10. В. К. Тяжелая доля. Отрывки из «Дневника» сельской учительницы (работавшей в Белоруссии). Витебск, 1903. 42 с.
11. Учительское жалование натурой // Народное образование в Виленском учебном округе. 1908. № 4. С. 150–162.
12. 3 Вілейскага павета // Наша ніва. 1907. 7 чэрвеня. С. 7.

13. Голодовка среди учителей // Народное образование в Виленском учебном округе. 1907. № 4. С. 180–182.
14. НИАБ. Ф. 458. Оп. 1. Д. 215.
15. Кузьмин И. Первые шаги и впечатления о моей школьной деятельности. Воспоминания старого учителя // Народное образование в Виленском учебном округе. 1907. № 2. С. 51–57.
16. Кукушкин И. П. Последнее десятилетие в истории Витебской Дирекции народных училищ (1891–1901). Витебск: Губ. тип., 1904. 59 с.
17. НИАБ. Ф. 2519. Оп. 1. Д. 15.
18. НИАБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 50.
19. НИАБ. Ф. 2084. Оп. 1. Д. 158.
20. Материальное положение учителей низших школ в иностранных государствах // Народное образование в Виленском учебном округе. 1907. № 12. С. 463–470.
21. НИАБ. Ф. 2507. Оп. 1. Д. 878.
22. НИАБ. Ф. 2254. Оп. 2. Д. 691.

References

1. Snapkouskaya S. V. Education in Belarus in the late XIXth and early XXth centuries: state and development trends. *Adukatsyya i vykhavanne* [Education and upbringing], 1997, no. 8, pp. 11–241 (In Belarusian).
2. Expenditures on public education. *Nasha niva* [Our field], 1908, 6 June, p. 3 (In Belarusian).
3. Nikiforovskiy N. Ya. *Sel'sko-shkol'noye obucheniye v yugo-vostochnoy okraine Vitebskoy Belorussii, kakim zastaet ego reforma 19 fevralya 1861 g.* [Rural school education in the south-eastern outskirts of Vitebsk Belorussia, as its reform of February 19, 1861 remains]. Vitebsk, Gub. tip. Publ., 1893. 46 p. (In Russian).
4. Kukushkin I. P. *Posledneye desyatiletie v istorii Vitebskoy Direktsii narodnykh uchilishch (1891–1901)* [The last decade in the history of the Vitebsk Directorate of Public Schools (1891–1901)]. Vitebsk, Gub. tip. Publ., 1904. 59 p. (In Russian).
5. *Natsional'nyy istoricheskiy arkhiv Belarusi (NIAB)* [National Historical Archive of Belarus (NHAB)]. Fund 2254. I. 2. F. 488.
6. *Kratkiy istoriko-statisticheskiy otchet razvitiya tserkovnoy shkoly Polotskoy eparkhii za 1884–1909 gg.* [A brief historical and statistical report on the development of the church school of the Polotsk diocese for 1884–1909]. Comp. N. Serebrennikov. Vitebsk, Gub. tip. Publ., 1909. 26 p. (In Russian).
7. *Nastol'naya kniga po narodnomu obrazovaniyu: v 3 t.* [Table book on national education: in 3 vol.]. Comp.: G. Fal'bork, V. Charnoluskiy. St. Petersburg, tip. B. M. Vol'fa Publ., 1901. Vol. II, pp. 715–1538 (In Russian).
8. NHAB in Grodno. Fund 38. I. 1. F. 53.
9. Location of the village. *Narodnoye obrazovaniye v Vilenskom uchebnom okruge* [Public education in the Vilnius educational district], 1907, no. 5/6, pp. 271–272 (In Russian).
10. V. K. *Tyazhelaya dolya. Otryvki iz "Dnevnik" sel'skoy uchitel'nitsy (rabotavshey v Belorussii)* [A heavy lot. Excerpts from the "Diary" of a rural teacher (who worked in Belarus)]. Vitebsk, 1903. 42 p. (In Russian).
11. Teacher salary in kind. *Narodnoye obrazovaniye v Vilenskom uchebnom okruge* [Public education in the Vilnius educational district], 1908, no. 4, pp. 150–162 (In Russian).
12. From Vileika County. *Nasha niva* [Our field], 1907, 7 June, p. 7 (In Belarusian).
13. There is a hunger strike among teachers. *Narodnoye obrazovaniye v Vilenskom uchebnom okruge* [Public education in the Vilnius educational district], 1907, no. 4, pp. 180–182 (In Russian).
14. NHAB. Fund 458. I. 2. F. 215.
15. Kuz'min I. The first steps and impressions about my school activities. Memories of an old teacher. *Narodnoye obrazovaniye v Vilenskom uchebnom okruge* [Public education in the Vilnius educational district], 1907, no. 2, pp. 51–57 (In Russian).
16. Kukushkin I. P. *Posledneye desyatiletie v istorii Vitebskoy Direktsii narodnykh uchilishch (1891–1901)* [The last decade in the history of the Vitebsk Directorate of Public Schools (1891–1901)]. Vitebsk, Gub. tip. Publ., 1904. 59 p. (In Russian).
17. NHAB. Fund 2519. I. 2. F. 15.
18. NHAB. Fund 325. I. 1. F. 50.
19. NHAB. Fund 2084. I. 1. F. 158.

20. Material status of teachers of lower schools in foreign countries. *Narodnoye obrazovaniye v Vilenskom uchebnom okruge* [Public education in the Vilnius educational district], 1907, no. 12, pp. 463–470 (In Russian).

21. NHAB. Fund 2507. I. 1. F. 878.

22. NHAB. Fund 2254. I. 2. F. 691.

Информация об авторе

Острога Валентина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск, Республика Беларусь). E-mail: ostroha@belstu.by

Information about the author

Ostroga Valentina Mikhailovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroha@belstu.by

Поступила 10.03.2025